

Второе путешествіе Петра Великаго въ Голландію ¹⁾.

В в е д е н і е.

Причины и цѣли этого путешествія въ такой степени облечены покровомъ политической тайны, что мы не рѣшаемся раскрывать здѣсь полную ихъ картину. Излагаемое нами ниже представляется намъ наиболѣе близкимъ къ истинѣ.

Искусный министръ герцога голштинскаго баронъ *Герцъ*, перейдя на службу къ королю шведскому Карлу XII, составилъ разнообразныя и весьма обширныя планы для спасенія своего государя, положеніе котораго, потрясенное предшествовавшими пораженіями на театрѣ войны, съ каждымъ днемъ дѣлалось все болѣе и болѣе тревожнымъ и затруднительнымъ, особенно въ виду продолжавшихся военныхъ дѣйствій противъ Россіи. Много политическихъ хитросплетеній при разныхъ дворахъ завязалъ этотъ ловкій дипломатъ, стараясь запутать въ нихъ Царя.

Герцъ вступилъ въ переговоры съ *Куракинымъ*, указывая ему на возможность для Царя пріобрѣсти Остзейское побережье со всѣми на немъ гаванями, если бы Царь былъ склоненъ заключить со Швеціею миръ за счетъ Даніи.

Разсматривая положеніе вещей именно съ этой точки зрѣнія, представляется яснымъ какъ появленіе Петра у Копенгагена съ значительнымъ сухопутнымъ корпусомъ

¹⁾ Составляетъ окончаніе труда Схельтемы: „Петръ Великій Императоръ Россіи, въ Голландіи и Заандамѣ въ 1697 и 1717 гг.“ переведеннаго и сообщеннаго А. С. Лацинскимъ („Русс. Стар.“, апрѣль 1916 г.).

войскъ и многочисленнымъ флотомъ, такъ и отсрочка высадки войскъ на берега Шоніи и многія другія дѣйствія Петра. Но англійское правительство сразу проникло въ эти замыслы и предупредило короля Даніи объ опасности, которая угрожала не только острову Зеланду, но и самому королевскому дому. Это заставило датскій дворъ быть насторожѣ,—съ тревогою смотрѣли на друга, такъ сильно вооружившагося—и всѣ предложенія, внушавшія какія-либо опасенія, были рѣшительно отклоняемы. Такимъ образомъ, Царь долженъ былъ отказаться отъ своего плана и отвести свои войска на Мекленбургскую территорію.

Это вмѣшательство англійскаго двора естественно еще болѣе усилило то охлажденіе, которое уже нѣкоторое время замѣчалось между Царемъ и англійскимъ королемъ. Однимъ изъ намѣченныхъ плановъ Гёрца было произвести въ Англіи революцію и возстановить на англійскомъ престолѣ домъ Стюартовъ. Первый лейбъ-медикъ Царя *Арескинъ*, близкій родственникъ лорда *Марра* (Marr), одного изъ главнѣйшихъ якобитовъ¹⁾, старался привлечь Царя на сторону претендента; кромѣ того, въ интересахъ успѣха дѣла важно было, чтобы Царь болѣе сблизился съ Франціею. Гаага была, въ эту эпоху, средоточіемъ всѣхъ политическихъ предпріятій, какъ бы высшею школою для этого, также—биржею всей Европы; поэтому ни въ комъ не могло возбудить никакого подозрѣнія то обстоятельство, что Петръ задумалъ отправиться въ этотъ городъ, чтобы лично удостовѣриться въ точномъ положеніи дѣлъ и въ истинныхъ пользахъ своего государства.

Затѣмъ, мы думаемъ, что то тяготѣніе, которое Петръ всегда чувствовалъ къ Голландіи и которое какъ-бы впиталось въ его характеръ или, пожалуй, сдѣлалось какъ-бы его конькомъ, много содѣйствовало тому, чтобы быстро покончить съ какими-либо колебаніями, какія могли вызываться этимъ планомъ. Его встрѣчи и сношенія съ голландскими морскими офицерами въ Ревелѣ и Копенгагенѣ снова пробудили въ немъ влеченіе къ Голландіи, и если вѣрно, какъ это разсказывали еще раньше заандамскіе плотники, что однимъ изъ самыхъ пламенныхъ желаній Царя было—пожить въ Заандамѣ тою жизнью, какъ живутъ они, то желаніе Петра побывать еще разъ въ Амстердамѣ—обязательно легко.

¹⁾ Проверженныя изгнанныя въ 1688 г. Стюарты.

Любимая супруга Царя, *Екатерина*, должна была сопровождать его въ поѣздкѣ въ Голландію и раздѣлить съ нимъ всѣ удовольствія этого путешествія. Она находилась въ это время въ послѣдней степени беременности, но это не внесло никакихъ измѣненій въ путевой распорядокъ; она должна была разрѣшиться отъ бремени въ его любимомъ Амстердамѣ—хотя одинъ его ребенокъ долженъ былъ родиться въ Голландіи.

Путешествіе изъ Копенгагена въ Амстердамъ.

Можно полагать, что поѣздка въ Голландію была рѣшена Царемъ уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1716 года. 29 октября онъ повелѣлъ своему послу въ Голландіи поставить въ извѣстность Ихъ Высокомочія Генеральныя Штаты о своемъ желаніи вновь посѣтить Голландію; вмѣстѣ съ этимъ Царь выражалъ особое свое желаніе — сохранить строжайшее инкогнито во время путешествія. Черезъ два дня послѣдовалъ отвѣтъ, что прибытіе Его Царскаго Величества будетъ пріятно.

Петръ отправился изъ Копенгагена сухимъ путемъ въ Любекъ. Проѣзжая медленно, въ открытомъ экипажѣ, чрезъ Фредериксшадтъ, имѣвшій голландскій характеръ и потому, вѣроятно, ему особенно понравившійся, онъ разсматривалъ со вниманіемъ, одну за другою, различныя фабрики и мастерскія, попадавшіяся ему на пути во время слѣдованія чрезъ этотъ городъ. Супруга Петра, оставленная имъ въ Шверинѣ, чрезъ нѣсколько дней должна была присоединиться къ нему въ Голландіи.

Царя сопровождала большая свита, изъ состава которой были поименованы слѣдующія лица: канцлеръ графъ *Головкинъ*, вице-канцлеръ баронъ *Шафировъ*, тайный совѣтникъ Петръ *Толстой*, шталмейстеръ Димитрій *Шенелевъ*, путевой секретарь Иванъ *Черкасовъ*, генераль-адъютантъ Павелъ *Ягужинскій* и графъ Александръ *Румянцевъ* и сверхъ того князья: Яковъ и Василій *Долгорукіе* и *Голицынъ*, *Бутурлинъ* и друг.

Въ Гавельбергѣ Царь имѣлъ свиданіе съ прусскимъ королемъ *Фридрихомъ-Вильгельмомъ I*. На сдѣланный Царю подарокъ, состоявшій изъ роскошной яхты, немного времени тому назадъ построенной въ Голландіи, Царь отвѣчалъ предложеніемъ королю набрать въ Россіи пятьдесятъ

человѣкъ самага высокаго роста, какого можно найти, и прислать ихъ въ Потсдамъ для королевской гвардіи, формировавшейся изъ однихъ только великановъ.

Изъ Гавельберга Петръ отправился черезъ Гамбургъ въ Бременъ. Въ послѣднемъ изъ этихъ городовъ, встрѣтившемъ его какъ освободителя отъ ганноверскаго гарнизона, хотѣли привѣтствовать Царя различными увеселеніями и фейерверкомъ. Но Царь, узнавъ объ этомъ, поспѣшно отправился въ дальнѣйшій свой путь въ Голландію.

Онъ прибылъ на территорію этого государства уже 11-го декабря (1716 г.), и его пріѣздъ сюда былъ настолько неожиданнымъ, что сдѣланныя Голландскими Штатами распоряженія относительно пріема его, послѣдовавшія 10-го числа названнаго мѣсяца, не могли еще быть приведены въ исполненіе.

Царскій посоль князь *Куракинъ* былъ такъ застигнутъ врасплохъ поспѣшнымъ пріѣздомъ Петра, что ни самъ онъ, ни резидентъ Брандтъ, ни другія знатныя русскія лица не могли выѣхать навстрѣчу Монарха дальше Амерсфоорта.

Депутація, назначенная голландскимъ правительствомъ, состояла изъ Арнольда Іооста *ван-Кеппеля*, графа *ван-Альбемарле*, Геррита *Гоофта*, бургомистровъ городовъ Амстердама, Дордрехта и Дельфта и другихъ лицъ. Депутація эта должна была встрѣтить Царя въ Девентерѣ, но и здѣсь ожиданія всѣхъ были обмануты. Гдѣ и югда имъ удалось привѣтствовать Царя—намъ остается неизвѣстнымъ; мы знаемъ только, что графъ *Альбемарле* произнесъ рѣчь, въ изысканныхъ выраженіяхъ, на голландскомъ языкѣ, на которую Петръ отвѣтилъ ему слѣдующее: „Я благодарю Васъ, графъ, хотя я васъ и не понялъ. Я учился моему голландскому языку у корабельныхъ плотниковъ, но языку, на которомъ вы говорите, я никогда не учился“.

Пріѣздъ Царя въ Амстердамъ и пребываніе въ немъ.

Желаніе Царя исполнилось, и онъ совершилъ свою поѣздку въ полномъ incognito и безъ всякихъ торжественныхъ встрѣчъ и церемоній. Въ Утрехтѣ онъ нанялъ простой бечевникъ¹⁾ и на немъ отправился въ Амстердамъ.

¹⁾ Въ оригиналѣ: „trekschuit“ — составное слово, заключающее въ себѣ два слова: trek—тащить и schuit—судно; отсюда произошло испорченное русское названіе *трешкотъ* (судно, ходящее бечевою).

куда и прибылъ 29 декабря. Онъ остановился въ домѣ своего резидента *Брандта*; здѣсь онъ и переночевалъ. На слѣдующій день явились къ нему съ привѣтствіями бургомистры; они предложили Царю переѣхать въ приготовленный для его жительства отель „Большой Дулень“. Петръ принялъ бургомистровъ весьма благосклонно, но отклонилъ какіе бы то ни было расходы, по его приему, на счетъ государства или города; Царь согласился только воспользоваться освобожденіемъ его отъ всѣхъ пошлинъ на съѣстные припасы, взимаемыхъ государствомъ и отдѣльными городами, относительно чего и состоялось дважды соглашеніе съ его гофмейстеромъ.

Въ этотъ же день резидентомъ *Брандтомъ* данъ былъ Царю и его свитѣ роскошный обѣдъ, на которомъ присутствовали также государственная комиссія и высшіе представители городского управленія. Самъ хозяинъ лично прислуживалъ Царю за столомъ; но такъ какъ Петръ слишкомъ увлекся разговоромъ съ голландскою знатью, то *Брандтъ* рѣшился самъ напомнить о себѣ Царю и просить у него позволенія принять и ему участіе въ обѣдѣ. Это позволеніе и было ему дано. По свидѣтельству Ноомена голландская знать вела бесѣду съ Царемъ на такомъ изысканновѣжливымъ языкѣ, что Петръ не выдержалъ и сказалъ голландскимъ барамъ: „будемъ разговаривать простымъ языкомъ, на какомъ говорятъ у васъ плотники“.

Во время этого обѣда Царь попросилъ пива; когда ему подали его въ стаканѣ со всѣми гѣми учтивостями, какія были въ обычаѣ того времени, онъ сказалъ: „я не охотникъ до французскихъ комплиментовъ,—пусть мнѣ дадутъ полную кружку пива“. Выпивъ изъ принесенной кружки изрядную порцію пива, онъ, смѣясь, возвратилъ кружку обратно со словами: „ну вотъ, я могъ выпить столько, сколько мнѣ хотѣлось, и вы не узнали—много ли я выпилъ“. Отправляясь спать, онъ не пожелалъ также воспользоваться тою постелью, которая была для него приготовлена, но перенесъ подушки прямо на полъ и въ такомъ видѣ переночевалъ.

Вообще Петръ чувствовалъ особое влеченіе къ Амстердаму, и вторичное посѣщеніе имъ этого города доставляло ему нескрываемую радость.

Прибывъ въ Амстердамъ, Царь и теперь проявлялъ ту же беспокойную любознательность, какою онъ отличался и прежде. Рано утромъ онъ былъ уже на ногахъ и спѣшилъ отправиться, одинъ или въ сопровожденіи очень немногихъ

лицъ, чтобы посѣтить знакомыя ему части города или жетѣ изъ нихъ, которыхъ онъ еще не видѣлъ совсѣмъ. При этомъ онъ весь отдавался тому, въ чемъ онъ находилъ для себя или удовольствіе или развлеченіе, и въ такихъ случаяхъ даже его министры не осмѣливались мѣшать ему. Такъ, изъ боязни разгнѣвать Царя, они принуждены были скрыть отъ него полученное ими сообщеніе о большомъ несчастіи, случившемся на морѣ у Ревеля, гдѣ, во время шторма, два судна погибли, а нѣсколько другихъ получили сильныя поврежденія, и это несчастіе усугублялось еще тѣмъ, что одновременно были совершенно уничтожены всѣ вновь воздвигнутыя въ портѣ сооруженія.

21 декабря городское управленіе устроило въ театрѣ спектакль, на которомъ была разыграна знаменитая трагедія: „Гизбрехъ ван-Амстель“, а послѣ спектакля былъ данъ, въ честь Царя, роскошный ужинъ. Петръ остался доволенъ, но онъ еще съ большимъ удовольствіемъ отнесся къ сдѣланному ему на другой день предложенію осмотрѣть верфи адмиралтейства и Остъ-Индской компаніи, тѣмъ болѣе, что предоставленныя въ его распоряженіе яхты и буэра давали ему полную свободу носиться на парусахъ по всему заливу И.

Невѣроятно велико было стеченіе любопытнаго народа, отовсюду сбѣгавшагося, чтобы видѣть Царя, о которомъ уже такъ много говорили. Городской администраціи немалаго труда стоило исполнить желаніе Царя—удалить толпу, тѣмъ болѣе, что ни къ какимъ насильственнымъ мѣрамъ прибѣгать не хотѣли, а кроткія мѣры—не помогали.

10-го января 1717 г. прибыла въ Везель Царица; за нею была отправлена заблаговременно одна изъ крупнѣйшихъ придворныхъ яхтъ, но только-что Екатерина вступила, на слѣдующій день, на бортъ яхты, какъ состояніе ея здоровья принудило ее вновь перейти на берегъ, а 12-го—она разрѣшилась отъ бремени принцемъ, получившимъ при крещеніи имя Павла.

13-го января Царь, узнавъ отъ посланнаго Царицею пажа *Маврина* о радостномъ для него событіи, тотчасъ же послалъ одного изъ своихъ дворянъ сообщить Генеральнымъ Штатамъ о рожденіи у него сына и просить ихъ быть воспріемникомъ новорожденнаго; но вскорѣ онъ получилъ печальное извѣстіе о томъ, что младенецъ скончался на второй день и что Царица тяжело больна.

Царь рѣшилъ посѣтить своихъ прежнихъ друзей и зна-

комыхъ. Своего лучшаго друга и наставника, *Витцена*, онъ нашель прикованнымъ старостью къ одру болѣзни. Увидѣвъ профессора *Рейша*, Царь, привѣтствуя его пожатіемъ руки, сказалъ: „вы по-прежнему для меня старый дорогой учитель“.

Кардинаала, *Визелаара* и *ван-дер-Гейдена*—уже не было въ живыхъ; *ван-Дамъ* находился въ Гоорнѣ, но *ван-Ресненъ*, *ван-дер-Гейденъ* (сынъ), *Пооль Силь*—еще здоровствовали.

Для Царя по-прежнему самыми пріятными мѣстами для посѣщенія оставались корабельныя верфи Амстердама; если гдѣ-либо его встрѣчали привѣтствіемъ: „Добро пожаловать, Питеръ-баасъ“, то всѣ черты его лица изображали нескрываемое удовольствіе. Однажды, когда онъ подымался на одну изъ верфей, жена Питера Пооля обратилась къ нему именно съ такимъ привѣтствіемъ. Царь тотчасъ же спросилъ ее: „какъ ты меня знаешь?“ На что та отвѣтила: „да вы 19 лѣтъ тому назадъ такъ часто бывали въ нашемъ домѣ и кушали за нашимъ столомъ; я жена мастера Пооля“. Тутъ Царь узналъ ее, обнялъ ее обѣими руками, дружески поцѣловалъ ее и тутъ же самъ напросился къ ней къ обѣду. Помощникъ мастера на верфи удостоился такого же ласковаго обращенія, когда уже самъ явился къ Царю и былъ имъ узнавъ.

Особенно Петру хотѣлось побывать въ Заандамѣ и повидаться тамъ со своими хорошими знакомыми *Кальфами*, о которыхъ онъ разспрашивалъ у разныхъ заандамскихъ жителей, случайно встрѣченныхъ имъ въ Амстердамѣ, какъ у Питера *Инь*, судостроителя на одной изъ верфей, и у Томаса *Лосіаса*, сына бѣдной вдовы, у которой онъ когда-то пивалъ можжевеловку. Наконецъ, онъ уже совсѣмъ былъ готовъ ѣхать въ Заандамъ на шлюпкѣ, какъ поднялся очень свѣжій вѣтеръ, заставившій его вернуться назадъ. Вскорѣ затѣмъ Царь тяжело заболѣлъ.

Во время этой болѣзни въ Амстердамъ прибыло нѣсколько иностранныхъ пословъ, на которыхъ ихъ государями было возложено выразить Царю ихъ соболѣзнованіе.

Петръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не находилъ никакой возможности отдѣлаться отъ этихъ посѣщеній, принималъ пословъ обыкновенно лежа въ постели. Такъ именно, по рассказамъ, онъ принялъ барона *ван-Гемса*, министра германскаго императора въ Гаагѣ, которому было поручено передать Царю письмо отъ императора ка-

сательно оставленія русскихъ войскъ на территоріи Мекленбурга.

Посольъ нашелъ Царя лежащимъ на канапе, безъ занавѣсей, и прикрытымъ одѣялами до самаго подбородка. Петръ казался очень больнымъ и крайне удрученнымъ, что приписывалось также тоскѣ по умершемъ сынѣ. Ван-Геемсъ оставался у Царя очень короткое время и получилъ отъ него въ отвѣтъ только то, что его министры обсудятъ съ нимъ это дѣло. Не видя никакого результата отъ первой аудіенціи, посольъ сталъ добиваться новой аудіенціи, которая и была ему разрѣшена. Хотя послу стоило большого труда устроить дѣло въ желаемомъ направленіи, тѣмъ не менѣе онъ остался очень доволенъ русскими министрами, въ особенности *Шафировымъ*.

Болѣзнь Царя имѣла для него еще болѣе досадное послѣдствіе. Онъ давно говорилъ о своемъ желаніи лично повидаться съ *Георгіемъ I*, королемъ Англіи, который пробылъ нѣкоторое время въ своихъ нѣмецкихъ владѣніяхъ и теперь ожидался въ Голландіи на обратномъ пути въ Лондонъ. Царю предстояло отправиться въ Флаардингенъ, гдѣ король долженъ былъ перейти на корабль; но такъ какъ болѣзнь Петра не позволила ему лично отправиться на свиданіе съ королемъ, то онъ послалъ къ нему князя *Куракина* и графа *Толстого*. Прибывъ незадолго до отхода яхты, они просили объ аудіенціи у короля, но имъ отказали въ этомъ подъ предлогомъ, что свѣжіи вѣтеръ и морской приливъ не позволяли имъ медлить отъѣздомъ. Но весьма возможно, что истинною причиною такого неучтиваго поступка со стороны англійскаго короля была перехваченная, еще въ январѣ, секретная переписка между шведскими министрами—графомъ *Гиллембургомъ* и *Герцемъ*, изъ которыхъ первый былъ посланникомъ въ Лондонъ, а послѣдній пребывалъ въ Голландіи. Обнаруженіе этой переписки сопровождалось не только заарестованіемъ посла въ Лондонъ и Герца въ Арнгемъ, но и обнародованіемъ полвой корреспонденціи обоихъ этихъ лицъ. Это послѣднее было, конечно, весьма непріятно Царю, такъ какъ авторы переписки весьма подробно выяснили въ ней тѣ пути и способы, которыми имъ удалось привлечь Петра на свою сторону, и содѣйствовать ихъ планамъ и цѣлямъ.

Какъ только *Веселовскій*, весьма опытный резидентъ Царя въ Лондонъ, въ то время отсутствовавшій, получилъ, какъ и всѣ прочіе послы, копию этой корреспонденціи, онъ

поспѣшилъ переслать ее своему Государю, а этотъ послѣдній приказалъ тотчасъ же представить англійскому правительству особыи меморандумъ. Этотъ меморандумъ имѣлъ главнѣйшею цѣлью выразить то тягостное впечатлѣніе, какое, естественно, должно было произвести на Его Царское Величество опубликованіе означенныхъ документовъ и въ то же время развить соображенія, которыя могли бы уничтожить самыя отдаленныя подозрѣнія въ какомъ-либо соучастіи въ планахъ Гёрца. Въ этомъ документѣ заявлялось, что Царю *вообще* не были извѣстны столь широкіе планы Гёрца по отношенію къ Англійи и что Царь *даже отдаленно* не намѣревался оказывать какую-либо поддержку выполненію этихъ плановъ. Этотъ дипломатическій инцидентъ надѣлалъ вначалѣ много шума. Мы, съ своей стороны, склонны признать правдивость всѣхъ этихъ завѣреній, ибо мы думаемъ, что мы обязаны скорѣе вѣрить имъ, чѣмъ отвергать, такъ какъ было бы въ высшей степени неосторожно со стороны Царя—черезъ своихъ делегатовъ говорить языкомъ, который, въ случаѣ, если бы онъ оказался не соответствующимъ, во всѣхъ своихъ частяхъ, истинѣ, вызвалъ бы въ глазахъ всей Европы публичное неодобреніе и въ то же время разоблаченіе.

Царица едва только поправилась отъ своего недуга, какъ поспѣшила въ Амстердамъ. Она прибыла сюда 13-го февраля. Теперь она могла удовлетворить свое, столь часто возбуждавшееся любопытство и видѣть страну, которую ея супругъ считалъ колыбелью своего величія.

Императрица Екатерина пріѣхала въ сопровожденіи многочисленной свиты. Извѣстная фрейлина Анна *Крамеръ* и пріобрѣтшія въ позднѣйшей исторіи Россіи столь большую извѣстность—лейбъ-хирургъ *Лестокъ*—находились при ея особѣ. Царица была привѣтствована членами правительства и городской администраціи.

Въ это именно время возникли нѣкоторыя неудовольствія между Царемъ и резидентомъ Брандтомъ, вслѣдствіе чего Царь перешелъ жить въ домъ Осипа *Соловьева*, весьма крупнаго русскаго негоціанта; онъ принужденъ былъ очистить для Царя весь свой домъ. Здѣсь остановилась и Царица по прибытіи своемъ въ Амстердамъ.

Причиною неудовольствія, возникшаго между Царемъ и Брандтомъ, было, по всей вѣроятности, слѣдующее: нѣсколько лѣтъ тому назадъ Царь приказалъ черезъ Брандта, въ подарокъ Екатеринѣ, миниатюрную модель амстердам-

скаго дома со всѣми принадлежностями, нужными въ большомъ голландскомъ домохозяйствѣ; модель эта, художественно исполненная, должна была дать Царицѣ полное представленіе о чистотѣ, удобствахъ и роскоши домашней голландской жизни. По поводу этой модели между Царемъ и Брандтомъ произошли недоразумѣнія—и драгоценная вещь осталась въ Голландіи.

Посѣщеніе Петромъ Заандама.

Только 5-го марта Царь могъ осуществить свое намѣреніе—посѣтить Заандамъ. Рано утромъ, въ сопровожденіи двухъ-трехъ князей и нѣсколькихъ другихъ лицъ своей свиты, Царь явился въ домъ *Корнелія Кальфа* и тутъ же объявилъ о своемъ желаніи, чтобы его приняли запросто, по-купечески. Спустя нѣкоторое время Кальфъ и его сынъ отправились съ Царемъ, на яхтѣ, вверхъ по Зааву, къ мѣстечку Коогъ, при чемъ Царь занялъ мѣсто у руля.

Какъ и прежде, Царь повсюду проявлялъ страстное любопытство—все видѣть и все подробно осмотрѣть. Кальфъ-отецъ постоянно сопровождалъ Царя въ экскурсіяхъ и слѣлалъ наблюденіе, что Царь во многомъ измѣнился къ лучшему. „Но, по выраженію Ноомена, въ немъ все-таки сильно еще проглядывалъ обликъ прежняго плотника“.

Послѣ обѣда Петръ отправился испытывать особую лодку, купленную для него и только-что доставленную на верфь; онъ остался очень доволенъ. Послѣ этого Петръ посѣтилъ уже извѣстную ему бумажную мельницу „Кокъ“, которую онъ подробно разсматривалъ съ такимъ же жалнымъ любопытствомъ, какъ это дѣлалъ и раньше. На обратномъ пути онъ пошелъ по другой сторонѣ Кокслоота, чтобы видѣть фабрику крахмала, пробовалъ здѣсь подкисленную воду и крахмалъ, заставляя это также дѣлать и лицъ своей свиты, и въ то же время обращался съ разными вопросами по интересовавшимъ его предметамъ.

Многими было замѣчено, что Царь въ этотъ свой пріѣздъ въ Голландію менѣе старался прятаться отъ людей, такъ, напр., возвращаясь изъ Заандама, онъ стоялъ на яхтѣ на открытомъ мѣстѣ, несмотря на то, что яхта была окружена множествомъ разныхъ судовъ, переполненныхъ любопытными. Онъ даже поворачивался изъ стороны въ сторону, какъ будто хотѣлъ сказать: „глазѣйте на меня

сколько хотите“. Онъ былъ одѣтъ въ довольно простой кафтанъ, изъ сѣраго драпа, съ широкимъ кожанымъ ремнемъ, къ которому подвѣшена была сабля. Онъ носилъ короткій черныи парикъ и грубую черную шляпу. Послѣ болѣзни онъ выглядѣлъ еще блѣднымъ; густые черные усы отдѣняли его ротъ. По-прежнему онъ былъ быстръ во всѣхъ своихъ движеніяхъ, и также замѣчалось въ немъ прежнее постоянное, какое-то безпокойное, движеніе въ его пронизывающихъ глазахъ. Князья были въ роскошныхъ костюмахъ, въ большихъ парикахъ и въ плащахъ изъ алаго сукна.

Во вторникъ, 9-го того же мѣсяца, Царь вновь пріѣхалъ въ Заандамъ, въ сопровожденіи князя *Куракина* и еще трехъ другихъ князей, а также нѣсколькихъ другихъ знатныхъ русскихъ особъ и нѣсколькихъ именитѣйшихъ голландцевъ.

Императрица прибыла вслѣдъ за Петромъ на другой яхтѣ, также сопровождаемая придворными дамами и блестящею свитою. *Кальфъ*-отецъ пригласилъ своихъ высокихъ гостей присутствовать при спускѣ новопостроеннаго корабля и по этому случаю устроилъ роскошный обѣдъ у себя, а также и въ домѣ своего сына.

Петръ былъ одѣтъ въ такой же простой костюмъ, какъ и въ прошлый разъ; но Царица и русскіе вельможи, казалось, хотѣли затмить эту крайнюю простоту необыкновеннымъ великолѣпіемъ своихъ нарядовъ. Екатерина, въ особенности, блистала брилліантами, жемчугомъ и золотыми украшениями, стоимшими, по исчисленію Номена, три бочки золота ¹⁾).

Николай *Кальфъ* предложилъ провести своихъ высокихъ гостей, съ ихъ свитою, на бумажную фабрику подъ названіемъ „Вальфишъ“ (Китъ). Здѣсь все, заслуживавшее вниманія, было подробно осмотрѣно. На обратномъ пути зашли къ Томасу *Иосіасу* и, какъ было ему обѣщано, пили у него кофе.

Возвратясь въ домъ *Кальфа*, Петръ узналъ, что его прежній квартирный хозяинъ *Герритъ Кистъ* работаетъ въ сосѣдней кузницѣ. Царь тотчасъ же послалъ за нимъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отправиться на его прежнюю квартиру, но *Кистъ* отказался идти, говоря: „а какое мнѣ дѣло до Царя, — онъ мнѣ еще остался долженъ за квартиру“.

¹⁾ Бочка золота—100 тысячъ талеровъ или флоринновъ.

Петръ, съ однимъ изъ дворянъ, самъ отправился за кузнецомъ и притащилъ его къ домику на Кримпъ. Онъ взобрался на верхъ, осмотрѣлъ мѣсто, гдѣ спалъ, также комнатку, гдѣ имѣлъ обыкновеніе молиться, и пробылъ здѣсь часа полтора. Относительно его стараго долга есть основаніе думать, что онъ уплатилъ его Кисту; по крайней мѣрѣ, въ потомствѣ этого послѣдняго сохранилось, въ видѣ нѣкоего преданія, что Царь осчастливилъ своего стараго хозяина подаркомъ.—серебрянымъ кубкомъ.

Здѣсь еще разъ Царь проявилъ свою склонность подчинять своей волѣ—волю лицъ, его окружавшихъ. Одинъ русскій дворянинъ, сопровождавшій Петра въ кузницу, испытывая нѣкоторое отвращеніе къ грязноватому помещенію кузнеца, или же, можетъ быть, страхъ передъ разлетающимися, мириадами, огненными искрами, позволилъ себѣ выйти изъ кузницы раньше Царя. Тогда Петръ призываетъ его обратно въ кузницу и заставляетъ его здѣсь, при себѣ, сдѣлать нѣсколько ударовъ молотомъ по раскаленному желѣзу.

За обѣдомъ Царь и Царица были привѣтствованы рѣчью, сказанною пасторомъ Герардомъ ван-Аальстомъ, на которую Петръ отвѣчалъ весьма благосклонно. Обѣдъ сильно затянулся, и поэтому все общество поторопилось отправиться въ домъ Аальтье *Валингиусъ*, вдовы Аренда Клаассона *Блюма*, въ томъ расчетѣ, чтобы наблюдать спускъ корабля; но уже много времени было потеряно, наступилъ морской отливъ и спущенное судно засѣло въ илъ.

Въ виду этого Царь и Царица такъ поспѣшили своимъ отъѣздомъ, что многія лица, ихъ сопровождавшія, не могли вернуться на яхтахъ и должны были искать другого способа возвращенія домой.

Царица Екатерина своею привѣтливостью оставила пріятное впечатлѣніе среди жителей Заандама. Ея наружность описывается такъ: невысокаго роста, нѣсколько дородная, но въ то же время живая и любезная.

Поѣздна въ Утрехтъ.

На слѣдующій день Высокіе Путешественники отправились на яхтѣ въ Утрехтъ, чтобы осмотрѣть всѣ его достопримѣчательности. Между прочимъ, Царь долго оставался на башнѣ кафедральнаго собора. При осмотрѣ знаменитой фабрики шелковыхъ матерій, принадлежащей ван-

Моллему, чрезмѣрная страсть Петра все обслѣдовать и все испытывать самому лично — едва не стоила ему жизни. Петръ хотѣлъ испытать силу воды, вращающей колеса фабрики, и схватилъ руками большое колесо въ то время, когда мельница была въ полномъ ходу. Царь былъ тотчасъ подхваченъ съ пола и приподнятъ кверху, — одинъ моментъ, и другое, вспомогательное, колесо втянуло бы его и, конечно, измолло бы на смерть. Къ счастью, одинъ изъ рабочихъ настолько сохранилъ присутствіе духа, что успѣлъ ухватиться за Царя и имѣлъ силы оттащить его отъ колеса. Это, столь дикое нападеніе на Царя, — какъ былъ истолкованъ поступокъ рабочаго въ первый моментъ происшествія, ибо никто не догадывался о причинахъ, вызвавшихъ его, — произвело среди присутствующихъ лицъ неопишное смятеніе, но когда узнали о той опасности, которой подвергался Царь, и о той мужественной помощи, которая была оказана ему и которая спасла ему жизнь, — всеобщее оцѣпенѣніе быстро перешло въ бурную радость и ликованіе. Царь сердечно объялъ своего избавителя; получилъ ли этотъ послѣдній какую-либо награду — объ этомъ свѣдѣній не имѣется.

Произведенный этимъ инцидентомъ испугъ нарушилъ общее веселое настроеніе и испортилъ то удовольствіе, которое ожидалось отъ предпринятой поѣздки.

Пребываніе въ Гаагѣ.

18-го марта Царь и Царица отправились на яхтѣ въ Гаагу и остановились въ отелѣ русскаго посланника князя *Куракина*. 20-го марта они оповѣстили о своемъ прибытіи президента Ихъ Высокомочій. Немедля же г.г. *Вельдеренъ*, *Лестевенонъ*, пенсіонарій *Гейнзіусъ*, ван-*Гоорнъ*, ван-*Амеронгенъ*, ван-*Айльва*, *Иссельмуденъ*, *Вихерсъ* и секретарь *Фазель* были назначены, чтобы привѣтствовать Ихъ Царскія Величества и принести свои поздравленія, что и было исполнено ими на слѣдующій день съ точнымъ соблюденіемъ обычнаго церемоніала.

Первоначальный изъ числа депутатовъ отъ Генеральныхъ Штатовъ произнесъ торжественную рѣчь на нидерландскомъ языкѣ, на которую Монархъ отвѣтилъ весьма любезно. Въ этотъ же день высокіе гости были привѣтствованы также и другими государственными чинами, ино-

странными министрами и высшимъ военнымъ начальствомъ.

Со стороны голландскаго правительства были употреблены всѣ старанія, чтобы предоставить Высокимъ гостямъ всевозможныя удовольствія и развлеченія, и дважды въ честь ихъ устраивались праздники въ Зоргфлитъ (старинный загородный домъ). Графъ *Альбемарле* и *Гамъ* обыкновенно сопровождали Высокихъ гостей при осмотрахъ имѣтѣхъ или другихъ достопримѣчательностей. 27-го марта, при посѣщеніи ими дворцовыхъ помѣщеній—тамъ собрались разныя общества и учрежденія, чтобы встрѣтить и привѣтствовать русскихъ Царя и Царицу.

Государь долгое время оставался въ Тревескамерѣ съ нѣсколькими находившимися тамъ членами Генеральныхъ Штатовъ и былъ съ ними очень привѣтливъ. Оттуда онъ перешелъ въ другой залъ, гдѣ уже было приготовлено для него угощеніе.

Послѣ того графъ *Альбемарле* и *Гамъ* съѣли вмѣстѣ съ Царемъ и княземъ *Куракинскимъ* въ закрытое судно, въ которомъ они ѣздили съ полчаса времени, чтобы сдѣлать опытъ совместно съ однимъ изобрѣтателемъ, увѣрявшимъ, что онъ нашелъ способъ опредѣлять долготу моря; въ настоящее время изобрѣтатель долженъ былъ открыть Царю свой секретъ. Ничего не извѣстно ни объ этомъ открытіи, ни о самыхъ опытахъ, въ чемъ именно они состояли, но извѣстно только, что Царь чрезвычайно внимательно слѣдилъ за опытомъ и, затѣмъ, нѣкоторыми своими вопросами привелъ самозванца-изобрѣтателя въ такое смущеніе, что этотъ послѣдній принужденъ былъ, наконецъ, признаться, что онъ никогда не думалъ найти въ Монархѣ такого отличнаго математика.

Царь съ такимъ же интересомъ осматривалъ на дачѣ „Ватерфлитъ“, близъ Фоорбурга, водяную машину, изобрѣтенную Яковомъ ван-*Бримснъ*.

Кромѣ дѣловыхъ сношеній съ важнѣйшими министрами Голландіи, Царь пожелалъ войти въ сношенія также съ адмиралами *Питерсономъ* и *Вассенааромъ*. Послѣдній изъ нихъ принималъ Монарха у себя на собственной дачѣ „Рейкедорпъ“, устроивъ здѣсь роскошное угощеніе.

О небольшихъ экскурсіяхъ Царя въ Лейденъ, гдѣ онъ осматривалъ все, что касается наукъ и искусствъ, а также въ Дельфтъ и Гондшольтредейкъ, гдѣ министръ Пруссіи *Даніэль ван-Мейстригагснъ* далъ, въ честь Монарха, большой

обѣдъ,—не имѣется никакихъ подробностей. Вскорѣ затѣмъ Высшіе гости отправились въ Роттердамъ, гдѣ пробыли четверо сутокъ и остались очень довольны пріемомъ и тѣми почестями, которыя были оказаны имъ какъ со стороны властей, такъ и со стороны населенія. Здѣсь именно Царь, принявъ рѣшеніе ѣхать въ Парижъ, разстался съ Екатериною, которую предпочелъ не брать съ собою во Францію какъ изъ нежеланія подвергать ее какимъ-нибудь непріятностямъ при Дворѣ вслѣдствіе незнатности ея происхожденія, такъ и во избѣжаніе всѣхъ тягостей отъ приворнаго этикета, которому тамъ, въ тѣ времена, придавали особое значеніе и который, по отношенію къ представительницамъ прекраснаго пола, былъ еще требовательнѣе¹⁾).

Возвращеніе Петра изъ Франціи въ Амстердамъ и пребываніе въ немъ.

Въ Намюрѣ Царь былъ встрѣченъ съ большою торжественностью графомъ ван-Гомпешъ, начальникомъ значительнаго голландскаго гарнизона; здѣсь Государь оставался два дня.

Царь не скрывалъ своей радости, что снова находился среди голландцевъ. Въ особенности онъ былъ доволенъ, что могъ бесѣдовать съ высшими военачальниками, которые, участвуя въ войнѣ за Испанское наслѣдство, приобрѣли столько опыта и военной славы. Для него доставляло также особое удовольствіе рассказывать имъ о тѣхъ сраженіяхъ и осадахъ, въ которыхъ онъ лично командовалъ своими войсками.

Губернаторъ распорядился устроить, въ честь русскаго Царя, интересное состязаніе на ходуляхъ, а также рѣчную прогулку на шлюпкахъ, которая доставила Петру особое удовольствіе.

Въ Маастрихтѣ Петръ былъ также принятъ съ большими почестями голландскимъ губернаторомъ. Здѣсь онъ долго бесѣдовалъ съ генераломъ ван-Гровестинсомъ, столь прославившимся какъ своимъ походомъ во Францію, такъ и своимъ талантомъ.

¹⁾ Даваемое вслѣдъ за этимъ въ книгѣ Схельтемы и основанное на франц. печ. матеріалахъ описаніе поѣздки Петра Великаго изъ Голландіи во Францію мы не переводимъ здѣсь, какъ не имѣющее ближайшаго отношенія къ пребыванію Царя въ Голландіи.

Навстрѣчу Царю были посланы яхты, на которыхъ онъ спустился по Маасу; посѣтивъ большинство прибрежныхъ городовъ, онъ оставилъ яхту въ Граве и далѣе продолжалъ свое путешествіе въ обыкновенной двумѣстной коляскѣ, съ небольшою свитою, до Нимвегена. Сюда онъ прибылъ уже къ вечеру и остановился на постояломъ дворѣ. Здѣсь онъ тотчасъ же потребовалъ себѣ яицъ, кусокъ сыру и хлѣба, и рано отправился на покой; его компаньоны по путешествію выпили двѣ бутылки вина. Распорядились, чтобы дорожный экипажъ былъ приготовленъ къ раннему утру. Уѣзжая на слѣдующій день, Петръ приказалъ своему гофмаршалу спросить хозяина гостиницы — сколько слѣдуетъ заплатить ему. „Сто дукатовъ“, послѣдовалъ отвѣтъ. По свидѣтельству Штелина, на крайнее удивленіе со стороны гофмаршала, вызванное такою чрезмѣрною суммою, трактирщикъ отвѣчалъ: „я бы охотно заплатилъ не сотню, а тысячу, если бы самъ былъ русскимъ Царемъ“. По другой же версіи, у хозяина спросили: „развѣ яйца такъ рѣдки здѣсь?“, на что получили въ отвѣтъ: „не яйца рѣдки, но конечно, императоры“. Но какъ бы ни было,—Царь приказалъ уплатить все сполна. Ворота конюшни были открыты, и Царь поспѣшилъ продолжать свой путь въ Амстердамъ, куда онъ и вернулся въ началѣ іюля мѣсяца.

Во время отсутствія Петра, Императрица оставалась въ Голландіи и проживала или въ Амстердамѣ или въ Гаарлемергоутѣ, гдѣ имѣлъ дачу упоминавшійся уже выше *Соловьевъ*.

Между тѣмъ, городское управленіе Амстердама прилагало всевозможное стараніе, чтобы доставить Императрицѣ развлеченіе и чтобы она могла видѣть все, что имѣлось въ городѣ наиболѣе достопримѣчательнаго; 14-го мая, въ честь ея, были устроены увеселительная прогулка на парусахъ, а также примѣрное морское сраженіе между Ньювендамъ и Шеллингвоуде; это послѣднее зрѣлище заслужило особое одобреніе Царицы.

Обѣ эскадры состояли подѣ начальствомъ контръ-адмираловъ *Боудаана* и *Граве*. Императрица находилась на одной изъ самыхъ большихъ яхтъ, на которой былъ поднятъ російскій флагъ. По окончаніи сраженія обѣ эскадры соединились вмѣстѣ около яхты Императрицы и сопровождали ее до самаго города.

Петръ, возвратившись изъ Франціи, присоединился къ Императрицѣ и пробылъ съ нею нѣсколько дней на той же

дачѣ въ Гаарлемергоутѣ. Жители сосѣднихъ дачъ оказывали Высокимъ иностранцамъ самое широкое гостепріимство. Въ числѣ разныхъ празднествъ, которыя были устроены въ честь ихъ, празднество, устроенное Питеромъ *Коолаартомъ*, щедрымъ супругомъ нашей славной поэтессы Елисаветы *Гоофманъ*, было если не однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ, то, во всякомъ случаѣ, самымъ достопримѣчательнымъ для исторіи голландской литературы, такъ какъ именно это празднество вдохновило нашу поэтессу написать лирическую поэму, прославившую и ея полъ, и отечество.

Нѣкоторое время Царь жилъ въ Амстердамѣ тихою частною жизнью. Хотя нерѣдко онъ и предпринималъ прогулки по водѣ на своей новой яхтѣ, построенной для него въ предыдущемъ году и названной „Амстердамъ“, но онъ преслѣдовалъ, въ настоящее свое путешествіе, совершенно другую цѣль, нежели въ предыдущую поѣздку; онъ не ограничивался теперь только дѣломъ судостроенія и торговли, но сильно интересовался также науками и искусствами и въ особенности онъ часто посѣщалъ знаменитѣйшихъ живописцевъ. Нерѣдко онъ останавливался передъ тою или другою картиною и цѣлыми часами слѣдилъ за работою художника; въ это время онъ разспрашивалъ о манерѣ писанія картинъ какъ этого, такъ и другихъ художниковъ, при чемъ онъ обнаруживалъ тонкое пониманіе при оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ картинъ. Въ особенности много времени проводилъ онъ у своего учителя *Сило*, купилъ у него большую часть картинъ съ морскими видами и далъ имъ потомъ лучшія мѣста въ Петергофскомъ дворцѣ, а также въ Голландскомъ домикѣ. Живописецъ *Бооненъ* былъ также очень любимъ Царемъ, который заказалъ художнику написать портреты какъ его и супруги своей, такъ и многихъ лицъ своей свиты.

Царь посѣтилъ также художницу Генриетту ван - *Пее*, которая уже въ то время пользовалась большою извѣстностью благодаря своимъ превосходнымъ миниатюрамъ. Ея работа такъ понравилась Царю, что онъ пригласилъ ее отправиться въ Россію, обѣщая ей ежегодную пенсію въ шесть тысячъ гульденовъ, сверхъ того, что она могла бы заработать своею кистью. Она, съ благодарностью, отказалась отъ этого выгоднаго предложенія, указывая на то, что простота ея образа жизни и ея мирныя привычки въ

духъ вѣроученій анабаптистовъ—не подойдутъ къ шумной жизни двора.

Петръ вполнѣ согласился съ этими доводами, а вмѣстѣ съ этимъ пожелалъ, чтобы художница нарисовала его портретъ, но когда, въ то же время, онъ узналъ, что ему придется для этого позировать разъ двадцать и каждый разъ, по меньшей мѣрѣ, часа по два времени, то онъ принужденъ былъ отказаться отъ своего желанія. Нѣкоторые изъ свиты Петра оказались болѣе терпѣливыми и, въ награду, получили великолѣпные образцы ея замѣчательнаго таланта ¹⁾.

Часто Царь посѣщалъ публичныя распродажи картинъ, гдѣ онъ большею частью пользовался совѣтами художника *Кселя*, швейцарца, особенно отличавшагося въ изображеніи мертвой патуры (плоды, цвѣты и проч.). Этотъ художникъ былъ рекомендованъ Петру его старымъ знакомцемъ *Сило* и позже перешелъ на личную службу къ Царю, вмѣстѣ съ нимъ отправившись въ Россію. Этотъ *Ксель* женился на дочери Маріи Сибиллы *Меріанъ*, и такимъ путемъ лучшія произведенія этой знаменитой художницы перешли въ руки Царя, который, впоследствии, въ лицезрѣніи этихъ шедевровъ находилъ для себя высокое наслажденіе.

Такъ Царь положилъ, еще въ то время, основаніе богатымъ собраніямъ картинъ, находящимся, въ настоящее время, въ Императорскихъ дворцахъ; эти картины выбирались Царемъ большею частью изъ числа принадлежащихъ школамъ фламандской и голландской и посвящихъ имена *Рембрандта*, *Стеена Вувермана*, *Остаде* и многихъ другихъ; особенное же предпочтеніе онъ отдавалъ картинамъ *Бакхейзена* и *ван-дер-Вельда* съ изображеніемъ разныхъ морскихъ судовъ и съ морскими видами.

Царь озаботился также расширить свой естественно-историческій кабинетъ, основанія котораго были положены имъ еще въ первое его путешествіе; приобрѣтя нынѣ для этого кабинета очень значительное число новыхъ предметовъ, онъ сдѣлалъ его извѣстнымъ среди европейскихъ ученыхъ по своимъ богатымъ и рѣдкимъ экземплярамъ.

За сумму въ 15 тысячъ гульденовъ Петръ приобрѣлъ большую коллекцію земноводныхъ и морскихъ животныхъ, птицъ, змѣй и насѣкомыхъ, собранную съ большимъ тщаніемъ Альбертомъ *Себа*, съ которымъ онъ очень сблизился.

¹⁾ Эта художница, вышедшая впоследствии замужъ за *Вольтера*, быть можетъ болѣе известна подъ именемъ *Геуріеты Вольтеръ*.

За 30 тысячъ гульденовъ Царь приобрѣлъ также знаменитый кабинетъ анатомическихъ препаратовъ, принадлежавшій профессору *Рейшу* и о которомъ было уже говорено выше,—на составленіе этого кабинета *Рейшъ* затратилъ болѣе 50 лѣтъ. Такъ посчастливилось Россіи, въ то время еще нецивилизованной, получить въ свое обладаніе тѣ сокровища, которыми такъ долго съ гордостью владѣла культурная Голландія; отъ всѣхъ этихъ сокровищъ у насъ осталось только воспоминаніе о нихъ, сохранившееся въ двухъ превосходныхъ сборникахъ гравюръ, въ которыхъ воспроизведены главнѣйшіе предметы названнаго кабинета.

Въ заботахъ о просвѣщеніи въ Россіи, Царь обращался за совѣтами къ *Витцену*, *Рейшу* и другимъ ученымъ относительно тѣхъ книгъ, какія, по ихъ мнѣнію, было бы полезно перевести на русскій языкъ, въ результатъ чего было изданіе нѣсколькихъ новыхъ книгъ.

Въ это именно путешествіе свое Петръ обратилъ особое вниманіе на то, чтобы русскіе оставались не простыми зрителями искусствъ, но чтобы они усердно сами изучали ихъ. Съ этою цѣлью Петръ отдалъ въ ученіе къ Сило и къ другимъ художникамъ—*Никитина*, *Матвѣева*, *Сахарова*, *Меркурьева* и нѣсколькихъ другихъ, а *Земцева* и *Серонкина* позже отправилъ въ Италію, чтобы изучать строительное искусство.

Но посреди всѣхъ этихъ заботъ, Царь не забывалъ и о политическихъ дѣлахъ, и Амстердамъ сдѣлался средоточіемъ важнѣйшихъ дипломатическихъ переговоровъ. Между Царемъ и королемъ Англій не было никакихъ новыхъ личныхъ неудовольствій, но въ то же время не было между ними и большого взаимнаго сближенія. Англійскій король отправилъ въ Амстердамъ своего чрезвычайнаго посла *Норриса* и своего постояннаго представителя въ Гаагѣ—*Витворфа* съ особымъ довѣрительнымъ письмомъ. При первомъ свиданіи съ министрами Царя представители англійскаго короля поставили ихъ въ извѣстность о томъ, что ихъ монархъ желаетъ пребывать съ Царемъ въ мирѣ и въ добромъ согласіи и что главная цѣль ихъ прибытія—заключеніе коммерческаго трактата.

Русскіе министры отвѣтили на это, что прежде всего слѣдуетъ возстановить дружественныя отношенія между ихъ повелителемъ и королемъ и заключить договоръ объ оборонѣ и о гарантіи, и только уже послѣ этого они могутъ приступить къ обсужденію торговаго договора между озна-

чепными монархіями. Такъ какъ прежніе переговоры были прерваны Англією подъ ничтожнымъ предлогомъ и такъ какъ Его Царское Величество, съ своей стороны, склоненъ заключить дружественный трактатъ, то королевскіе послы должны заявить—уполномочены ли они на веденіе такихъ переговоровъ. Послы отвѣтили, что нѣтъ, но что они доложатъ объ этомъ ихъ повелителю. Вслѣдствіе этого они скоро вернулись въ Англію съ отзывнымъ письмомъ, не заключивъ предполагавшагося трактата.

Что касается Генеральныхъ Штатовъ, то они, съ своей стороны, также прилагали сильнѣйшее стараніе къ тому, чтобы извлечь изъ пребыванія Царя въ Голландіи наибольшую пользу, и, въ этихъ цѣляхъ, имѣлось въ виду заключить съ Царемъ столь давно желаемый торговый трактатъ.

Стеченіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ было причиною, что это желаніе осталось неосуществившимся и теперь, какъ и прежде. Кромѣ того, какъ кажется, личное присутствіе Царя въ Голландіи привело даже къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ.

Изданныя въ Англіи письма *Герца* и *Гиллемборга* были также переведены на голландскій языкъ и изданы въ Голландіи. Это не понравилось Царю, и онъ приказалъ своему посланнику представить Генеральнымъ Штатамъ особую меморію, въ которой высказывалось неудовольствіе Царя на то, что съ нимъ не совѣщались передъ изданіемъ писемъ на голландскомъ языкѣ и что не было высказано никакого неодобренія по поводу тѣхъ выраженій, которыя должны бы были быть неприятны Царю.

Отвѣтъ Генеральныхъ Штатовъ былъ столь убѣдительный и столь почтительный, что этотъ инцидентъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Въ означенномъ отвѣтѣ, главнымъ образомъ, выяснялось, что голландскій переводъ былъ сдѣланъ съ англійскаго текста, который, въ свою очередь, былъ обнародованъ по повелѣнію парламента и въ которомъ, по сравненію съ оригинальными письмами, не было допущено ни малѣйшаго отклоненія даже въ строкахъ неприятныхъ для самого англійскаго правительства и что необоснованныя утвержденія и догадки, относящіяся къ особѣ Его Царскаго Величества, должны быть признаваемы еще менѣе заслуживающими вѣры, чѣмъ такія же утвержденія и догадки по отношенію къ королю Англій, и что, наконецъ, весь позоръ падаетъ на шведскихъ министровъ.

Царь, благодаря неточнымъ свѣдѣніямъ, обратился, чрезъ графа *Альбемарле*, къ Голландскимъ Штатамъ съ ходатайствомъ за нѣкоего Николаасъ Муйсъ ван-*Голи*, приговореннаго морскимъ судомъ къ тюремному заключенію. Царь просилъ о смягченіи наложеннаго наказанія. Но Штаты отнеслись къ этой просьбѣ Царя, какъ къ попыткѣ,—могущей имѣть въ будущемъ важныя послѣдствія,—къ вмѣшательству Царя во внутреннія дѣла Голландіи, и потому, несмотря на крайнее нежеланіе отказать въ чемъ-либо русскому Монарху, Генеральныя Штаты были, все-таки, поставлены въ необходимость отклонить его просьбу, что они единогласно и постановили.

Хотя этотъ отказъ и былъ облеченъ въ очень деликатную форму, но такъ какъ для Царя всякій отказъ въ просьбѣ являлся необычайною вещью, то можно было ожидать, что и этотъ отказъ произведетъ на Петра сильное впечатлѣніе и что данный случай не будетъ поэтому легко забытъ московскимъ Самодержцемъ.

Быть можетъ, именно благодаря этому случаю посредничество Генеральныхъ Штатовъ въ пользу города Данцига, на который Царемъ наложена была большая контрибуція, вызвало столь сильное неудовольствіе Царя. Наконецъ, Царь проявилъ свой гнѣвъ по поводу образа дѣйствій Амстердамскаго адмиралтейства, освободившаго часть груза шотландскаго корабля, который шелъ изъ Готеборга въ Англію и, будучи захваченъ русскимъ военнымъ судномъ въ Сѣверномъ морѣ, былъ приведенъ этимъ послѣднимъ въ Тексель.

Царь приказалъ отправить корабль въ Англію, чтобы тамъ дѣло могло быть разобрано судомъ, но грузъ уже былъ снятъ съ корабля и самый корабль объявленъ свободнымъ. Къ этому послѣднему Царь отнесся весьма серьезно. Онъ приказалъ своему послу представить голландскому правительству меморію, и такъ какъ это правительство не могло рѣшить вопроса тотчасъ же, то со стороны Россіи послѣдовала угроза наложить арестъ какъ на суда, такъ и на имущество голландцевъ, а также принять однородныя мѣры и по отношенію ко всѣмъ голландцамъ, пребывающимъ въ Россіи. Но скоро, однако, все мирно уладилось, и дѣло это не имѣло никакихъ послѣдствій.

Эти и другія обстоятельства, въ соединеніи съ рѣшительнымъ намѣреніемъ Царя пользоваться для торговли въ Россіи только судами, принадлежащими его подданнымъ

и въ связи съ желаніемъ Царя оказывать, въ то же время, преимущественное покровительство тѣмъ націямъ, которыя до того времени не вели еще съ Россіей никакой морской торговли,—все это привело къ тому, что надежды Голландіи на заключеніе съ Россіей новаго торговаго трактата,—который, предоставляя голландцамъ особыя привилегіи, былъ бы выгоденъ для нихъ, съ каждымъ днемъ все болѣе уменьшались.

При такомъ положеніи дѣла, для Голландіи являлось особенно печальнымъ то, что Франція и Пруссія были счастливѣе въ этомъ отношеніи. Версальскій Дворъ, отклонивъ политическій союзъ съ Россіею, оказался склоннымъ заключить съ нею коммерческій трактатъ. Для переговоровъ, по сему предмету, съ царскими уполномоченными герцогъ-регентъ послалъ въ Амстердамъ своихъ министровъ; къ этимъ переговорамъ былъ допущенъ и прусскій министръ. Въ результатъ этого, 4-го мая, былъ заключенъ союзный и коммерческій трактатъ. При этомъ, между прочимъ, обязались содѣйствовать сообща умиротворенію Европы на началахъ Утрехтскаго и Баденскаго трактатовъ. Для веденія этого дѣла со стороны Царя были назначены: *Головкинъ, Шафировъ* и *Куракинъ*.

Во второе свое путешествіе въ Голландію Царь былъ встрѣченъ здѣшнимъ купечествомъ вообще далеко не такъ радушно, какъ въ первое путешествіе сюда. Убытки голландскихъ купцовъ отъ перемѣщенія торговли изъ Архангельска въ Петербургъ и открытіе въ самой Россіи большого числа фабрикъ и мастерскихъ заведеній—были особенно чувствительны для голландскаго купечества. Учрежденіе въ Амстердамѣ россійскаго торговаго дома подъ фирмою „Соловьевъ“, на который россійскимъ Дворомъ возлагались важнѣйшія порученія, также не могло не отразиться на голландской торговлѣ, и къ этому еще прибавилось повышение торговыхъ пошлинъ въ Лифляндіи.

Кромѣ того, князь *Меншиковъ*, управлявшій, въ отсутствіе Государя, дѣлами въ Россіи, требовалъ отъ купцовъ, которые ввозили свои товары въ Петербургъ по таможенному тарифу, установленному для этого города, чтобы они платили столько же, сколько они должны были бы платить въ Архангельскѣ въ прежніе годы, а именно—въ 1714, 1715 и 1716 гг. Голландскій резидентъ де-*Би* допесъ своему правительству, что противъ несогласавшихся на это принимались крутыя мѣры и такихъ лицъ вытаскивали изъ

ихъ жилищъ и держали въ заключеніи до уплаты всѣхъ требуемыхъ денегъ.

Вслѣдствіе такого донесенія, голландское правительство обратилось къ Царю, по возвращеніи его изъ Франціи, съ весьма серьезнымъ протестомъ противъ такого „не имѣющаго названія“ образа дѣйствій, но никакого удовлетворительнаго отвѣта ни по сему предмету, ни на повторенное предложеніе заключить торговый трактатъ во избѣжаніе, на будущее время, подобныхъ недоразумѣній—не послѣвало отъ Царя.

Городское управленіе Амстердама, тѣмъ не менѣе, по-прежнему старалось угождать Царю и доставлять ему разныя развлеченія во время пребыванія его въ этомъ городѣ. Такъ, оно вторично устроило для него блестящее зрѣлище паруснаго соревнованія и примѣрнаго морского сраженія,—тѣ именно развлеченія, которыя такъ соотвѣтствовали природнымъ наклонностямъ Царя. Дѣйствія, на этотъ разъ происходили у маяка Дюргердамъ. Принцесса, вдова штатгальтера Фрисланда, сопровождала въ этотъ день Царицу. Петръ остался очень доволенъ этимъ зрѣлищемъ и даже оставилъ свою яхту и перешелъ на буэръ, чтобы находиться ближе къ канонадѣ и къ энтерь-дреку¹⁾. Вечеромъ весь флотъ направился на парусахъ къ главному адмиралтейству и торжественно подошелъ къ городу, представляя необыкновенно красивую картину.

Энскурсіи въ Гоорнъ, Тенсель и др.

Въ августѣ мѣсяцѣ Царь посѣтилъ нѣсколько городовъ сѣверныхъ голландскихъ провинцій. Когда-то Петръ вызвалъ къ себѣ въ Амстердамъ своего стараго учителя ван-*Дама*, проживавшаго тогда въ Гоорнѣ, а теперь Царь пожелалъ еще разъ свидѣться съ нимъ, но уже на мѣстѣ его постоянного жительства.

Петръ выразилъ желаніе видѣть останки похороненнаго въ Гоорнѣ морского героя, вице-адмирала Питера *Флориссоона*, убитаго въ морскомъ сраженіи въ Зундѣ, въ 1659 г. Чтобы удовлетворить любопытство Царя, находившаяся въ городскомъ соборѣ, гробница названнаго вице-адмирала была вскрыта. Но такое любопытство имѣло своимъ послѣдствіемъ нѣкоторыя поврежденія, причиненныя на передней

¹⁾ Абордажъ при помощи дрековъ (крюкъ, желѣзная лапа).

сторонѣ гробницы, именно той, на которой изображенъ морской бой.

При осмотрѣ въ Гоорцѣ морскихъ верфей собралась такая громадная толпа любопытныхъ, что Царь, сильно разгнѣвавшись, поспѣшилъ покинуть этотъ городъ.

Ничто не доставило Царю въ этой поѣздкѣ такъ много удовольствія, какъ обозрѣніе Беемстера. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы эта плодородная почва могла создаться изъ-подъ моря; съ величайшимъ интересомъ онъ спрашивалъ о всемъ, что касалось осушки земли и проведенія каналовъ. Деревня Рипъ особенно понравилась Царю своимъ богатствомъ и торговлею; здѣсь онъ обратилъ еще вниманіе на крупную ловлю сельдей. На обратномъ пути пришлось опять проѣзжать чрезъ Беемстеръ, и Царь опять воздалъ дань упорству и труду нашихъ предковъ.

Посѣщеніе Петромъ Текселя также доставило ему большое удовольствіе. Какъ разъ въ это время вернулся въ гавань ост-индскій флотъ, совершившій весьма счастливо свой рейсъ. Радость и большое оживленіе, вызванныя прибытіемъ шестнадцати богато нагруженныхъ судовъ, представили Царю и его супругѣ никогда невиданное ими зрѣлище. Депутация отъ владѣльцевъ этой компаніи, находившихся въ это время на яхтѣ въ гавани, встрѣтила Царя и Царицу и предложила имъ угощеніе на борту одного изъ возвратившихся кораблей „Елисавета“, нагруженнаго пряностями и бакалеею. Царь, и здѣсь какъ и всюду въ такихъ случаяхъ, съ большимъ интересомъ все подробно осматривалъ, обо всемъ спрашивалъ.

По возвращеніи въ Амстердамъ, Царь совершилъ еще поѣздку въ Лоо, гдѣ онъ, сопровождаемый княземъ *Куракинѣмъ*, имѣлъ свиданіе съ барономъ *Герцемъ*, который представилъ ему болѣе точныя свѣдѣнія относительно желанія короля Швеціи заключить съ Царемъ мирный договоръ.

На обратномъ пути изъ Лоо Высокіе Гости, сопровождаемые многими другими особами, были приняты *Брандтомъ* ¹⁾ въ своемъ дачномъ помѣщеніи, называвшемся

¹⁾ Надо полагать, что то недоразумѣніе между Царемъ и Брандтомъ, о которомъ было упомянуто выше, въ это время уже не существовало. Это, между прочимъ, подтверждается тѣмъ, что Брандту впоследствии пожалованъ былъ чинъ статскаго совѣтника и даже дворянское достоинство.

„Петербургъ“ и расположенномъ на берегу рѣки Вехтъ. Передъ отъѣздомъ гостей Брандтъ устроилъ празднество, пышностью своею превзошедшее все, когда-либо видѣнное въ Голландіи у частныхъ лицъ.

Въ послѣдніе дни пребыванія Царя въ Амстердамъ этотъ городъ казался превращеннымъ въ резиденцію Двора. Многіе посланники и представители разныхъ державъ, находившіеся въ Гаагъ, получили приказаніе отъ своихъ государей испросить у Царя отпускную аудіенцію, и каждый изъ нихъ соперничалъ въ блескѣ и въ пышности.

Послѣднее посѣщеніе Царемъ Заандама.

30-го августа Царь еще разъ пріѣхалъ въ Заандамъ, въ сопровожденіи десяти лицъ изъ своей свиты и одного священника. Онъ назвался въ гости къ *Кальфу* и опять съ тѣмъ же условіемъ, чтобы онъ былъ принятъ запросто покупчески. Кальфъ пригласилъ къ себѣ нѣсколько лицъ изъ знатнѣйшихъ заандамскимъ гражданъ. Передъ обѣдомъ были осмотрѣны нѣкоторыя новыя фабрики и заводы, въ числѣ ихъ—одинъ плавильный заводъ латунныхъ издѣлій, представившій для Царя особый интересъ по новизнѣ этого производства; посѣтили также фабрику для приготовленія китоваго масла; наконецъ, осмотрѣли буэръ, построенный по заказу Петра. Тутъ же былъ показанъ и тотъ ботъ, который хранился здѣсь въ виду того, что въ постройкѣ его принималъ участіе самъ Царь. Петръ казался очень довольнымъ и распорядился, чтобы ботъ этотъ былъ отправленъ въ Петербургъ. Онъ былъ весьма опечаленъ, узнавъ въ послѣдствіи, что корабль, на который былъ погруженъ означенный ботъ, былъ захваченъ шведами и приведенъ въ Стокгольмъ, гдѣ этотъ ботъ и хранится весьма бережно до сего времени.

Затѣмъ Царь посѣтилъ молитвенный домъ анабаптистовъ, носившій также названіе „Новаго Дома“. Государь высказалъ *Кальфу*, который состоялъ учителемъ или проповѣдникомъ въ этой общинѣ, свое желаніе послушать, какъ проповѣдуютъ въ его церкви, прибавивъ при этомъ, что онъ не любитъ длинныхъ проповѣдей. На это Кальфъ отвѣтилъ, что онъ дастъ краткое резюме всѣхъ родовъ поученій. Послѣ этого, онъ взошелъ на кафедру и торжественно произнесъ: „старайтесь всѣ хорошо мыслить, хорошо гово-

рить и хорошо поступать. Аминь“! Царь замѣтилъ, что онъ „никогда не слышалъ проповѣди болѣе краткой и болѣе содержательной“, и, обратясь къ сопровождавшему его своему священнику, прибавилъ: „вотъ такъ именно должны бы и вы говорить проповѣди; но у васъ слишкомъ много пустословія“.

Во время обѣда Царь съ большимъ благорасположеніемъ отзывался о Заандамѣ, говоря, что онъ нигдѣ не встрѣчалъ такой кипучей дѣятельности и такъ широко поставленной торговли. Съ особою задушевностью простился Царь со своими заандамскими друзьями. Онъ поцѣловалъ каждого изъ нихъ въ лобъ и каждому сказалъ: „прощайте! Богъ съ вами“.

Отъѣздъ Царя изъ Амстердама и Голландіи. Возвращеніе домой.

Въ Амстердамѣ Царь проявилъ такое же благорасположеніе къ каждому изъ своихъ старыхъ друзей. Онъ неоднократно навѣстилъ бургомистра *Витцена*, лежавшаго на одрѣ болѣзни, и присутствовалъ при его кончинѣ, 10-го августа. Смерть этого человѣка, также какъ и смерть бургомистра *Геррита Гоофта*, послѣдовавшая въ это же время и также въ Амстердамѣ, произвела на Царя глубокое впечатлѣніе,—по его собственнымъ словамъ, онъ потерялъ двухъ лучшихъ своихъ друзей въ Голландіи.

Послѣдній вечеръ въ Амстердамѣ Царь провелъ у корабельнаго плотника вая-*Реенена*. Передъ уходомъ отъ него Государь сказалъ: „дай мнѣ подходящій кусокъ дерева, — я сдѣлаю изъ него нѣчто на память обо мнѣ“. Ему подали, что онъ требовалъ. Царь намѣрилъ все по циркулю, и при помощи тесла и долота смастерилъ маленькую и хорошенькую модель яхточки. Затѣмъ, Царь подарилъ ему одиннадцать монетъ съ отчеканеннымъ на нихъ его изображеніемъ и, сверхъ того, сдѣлалъ еще одинъ болѣе цѣнный подарокъ. При прощаніи Царь обнялъ и поцѣловалъ его какъ друга.

31-го августа комиссія изъ представителей отъ Генеральныхъ Штатовъ и городского управленія имѣла торжественную аудіенцію у Царя, отъѣздъ котораго назначенъ былъ 1-го сентября; но въ этотъ день поднялся такой сильный штормъ или, вѣрнѣе, ураганъ, что отъѣздъ представлялся

весьма опаснымъ. Царь все-таки хотѣлъ непременно ѣхать, и потребовалось много труда, чтобы уговорить его не подвергать своей жизни опасности и отложить свой отъѣздъ.

На слѣдующій день, при пушечныхъ салютахъ, Царь отбылъ на яхтѣ чрезъ Гаарлемъ и Гоуду, въ Дортрехтъ; здѣсь онъ оставилъ Царицу, а самъ отправился, на небольшомъ суднѣ, въ Бергенъ-оп-Зоомъ, чтобы, на прощаніе съ Голландіею, осмотрѣть эту крѣпость, — одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній генерала Когоорна.

При возвращеніи въ Дордрехтъ, Царю и Царицѣ былъ оказанъ, со стороны городского управленія, самый сердечный пріемъ. Вскорѣ затѣмъ они отправились въ дальнѣйшій путь, и, такимъ образомъ, Высокіе Гости, вмѣстѣ со своею свитою, проѣхавъ чрезъ Нимвегенъ къ Клеве, 10-го сентября (1717 г.) покинули территорію Голландской республики.

Въ Везелѣ Царь простился съ княземъ *Куракинымъ*, *Нарышкинымъ* и другими знатными русскими, которые должны были остаться въ Голландіи. На перваго изъ нихъ Царь возложилъ порученіе выразить, отъ его имени, Генеральнымъ Штатамъ удовольствіе Государя за ту честь и дружество, которыя были оказаны ему, со стороны республики, во время пребыванія его въ Голландіи,—какое порученіе и было немедля исполнено княземъ *Куракинымъ*.

Послѣ этого Царь поспѣшилъ, прямымъ путемъ, отправиться въ Россію, гдѣ его присутствіе представлялось, въ это время, крайне необходимымъ въ виду побѣга за границу сына его—Цесаревича Алексѣя. Вскорѣ по прибытіи Царя въ Россію—началась тяжелая драма между отцомъ и сыномъ.

Сообщилъ А. С. Лацинскій.

